

Ритуальные пещерные комплексы древних майя как места памяти

Сандра А. Хохрякова (Висканта)

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, s.viskanta@gmail.com*

Аннотация. Коммеморативные практики майя классического периода (III–IX вв.), целями которых были заявления на легитимность власти, территориальные владения и установление политического влияния, хорошо известны. Как коммеморативной программе, направленной на конструирование исторической памяти, обозначенным практикам были свойственны демонстративность, периодичность обращения к определенному событию и ритуальное сопровождение. В статье выделяется еще одна коммеморативная практика, выбивающаяся из перечисленных, – иероглифические тексты в пещерах. Пещеры являются одним из объектов сакрального ландшафта, свойственного всем культурам Мезоамерики. Они были и до сих пор являются местом паломничества и отправления культа. В позднеклассический и постклассический периоды археологами было засвидетельствовано как элитарное, так и неэлитарное использование пещерных природных образований. Иероглифические тексты наносились в труднодоступных зонах абсолютной темноты, куда из-за естественных или возведенных преград не доходил солнечный свет. Подобные тексты не предназначались для широкой демонстрации. В данной статье будет рассмотрено сокрытое нанесение текстов как особый вид коммеморативной практики майя классического периода.

Ключевые слова: историческая память, коммеморативные практики, древние майя, пещеры, ритуал, археология, эпиграфика

Для цитирования: Хохрякова (Висканта) С.А. Ритуальные пещерные комплексы древних майя как места памяти // Вестник РГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2021. № 1. С. 81–92. DOI: 10.28995/2073-6339-2021-1-81-92

Ancient Mayan ritual cave complexes as memory space

Sandra A. Khokhryakova (Viskanta)

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
s.viskanta@gmail.com*

Abstract. The Mayan commemorative practices of the Classic Period (3d – 9th centuries) committed for the purpose of on claiming the power legitimacy, territorial possessions and the establishment of political influence, are well known. A commemorative program, aimed at constructing historical memory, is characterized by the ostentation and periodic addressing to specific event, and by ritual accompaniment. In the article the author identifies one more commemorative practice that stands out of the listed – the hieroglyphic texts in Mayan caves. The caves are among the objects of the sacred landscape, which is common for all Mesoamerican cultures; it was and still is a place for the pilgrimage and worship. Many archaeological projects witnessed the elite and non-elite use of caves in the Late Classic and the Postclassic Periods. The hieroglyphic texts were applied in hard-to-reach areas of absolute darkness, where sunlight did not reach them due to natural barriers or artificial walls. Such texts were not intended to be broadly demonstrated. This article considers the practice of hidden text application as a special type of the Maya commemorative practice of the Classic Period.

Keywords: historic memory, commemorative practices, ancient Maya, caves, ritual, archaeology, epigraphy

For citation: Khokhryakova (Viskanta), S.A. (2021), “Ancient Mayan ritual cave complexes as memory space”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 1, pp. 81–92, DOI: 10.28995/2073-6339-2021-1-81-92

Существует много разных целей, которые лежат в основе припоминания и репрезентации своего прошлого у отдельных индивидов или социальных групп. Среди них – использование прошлого для обоснования легитимности власти, предъявление своих прав на владение (часто территориальное), утверждение своего приоритета, являющиеся особой стратегией управления прошлым в интересах настоящего [Нора 1999, с. 84]. Именно эти цели лежали в основе коммеморативных практик у древних майя. При исследовании исторической памяти майя классического периода (III–X вв.) нужно иметь в виду, что сохранившиеся письменные источники отражают прежде всего мировоззрение отдельной группы – знати. В основе

нарратива иероглифических текстов I тыс. н. э. в основном лежали родословные правителей как способ легитимации власти, записи о военных успехах для утверждения своих территориальных владений и сообщения о ритуальной активности для обоснования значимости высокого социального статуса исполнителя. Согласно традиции, тексты создавались с целью публичной демонстрации. Монументальная скульптура или росписи с надписями размещались на видных местах, возведение стел сопровождалось особыми церемониями. Существовало множество сложных ритуалов, отправлявшихся правителем или членами его рода, которые увековечивались в текстах, зачастую сопровождавшихся изображением. Все это подчеркивает тот факт, что на уровне социальной группы знати определенная презентация прошлого и память о нем были направлены на создание коммеморативной программы, которая постоянно воспроизводилась в ходе ритуально-церемониальной групповой деятельности, которая в свою очередь воплощалась в местах памяти – на городских площадях и в храмах.

Подобная стратегия формирования исторической памяти не уникальна для майя и известна по всей Мезоамерике. Однако существовал один вид коммеморативной практики, который выбивался из общепринятого, – нанесение иероглифических текстов на стены в пещерах в ходе паломничеств представителей знати майяских государств.

Практика паломничества существовала в культуре майя начиная со средне- и позднеформативного периода (600 г. до н. э. – 200 г. н. э.) [Brady 1989, p. 90; Brady 2000, p. 200] и дожила до раннеколониального времени. Диего де Ланда, епископ Юкатана (Мексика) с 1572 по 1579 г., писал, что представители правящей знати Юкатана регулярно отправлялись к Священному сеноту Чичен-Ицы и на остров Косумель. Ланда отмечает, что к этим местам индейцы испытывали «такое уважение, как мы к местам паломничества в Иерусалиме и Риме»¹. Необходимость в паломничествах особо насущно вставала во время неурожайных сезонов, чтобы подношениями умиротворить богов. «Священное путешествие» включало в себя сам путь, богатые подношения, в том числе человеческие жертвоприношения, и дорогу назад. В сообщении из Набалама, Тахкабо и Косумеля, которое было составлено энкомендеро Диего де Контрерасом в 1579 г., тоже говорится о паломничестве на Косумель. По утверждению жителей острова, их земля никогда не была подчинена какому-то правителю материка. На остров приходили люди даже из городов, расположенных на противоположной сторо-

¹ Ланда де Д. Сообщение о делах в Юкатане. М.; Л., 1955. С. 153.

не полуострова². Особая роль Косумеля сохранялась до середины XVII в.

Провинциал францисканского ордена на Юкатане Диего Лопес де Когольудо (1613–1665) упоминает о трех храмах в Исамале, которые посещались паломниками из отдаленных частей полуострова. Специально выстроенные дороги, расходящиеся по четырем сторонам света от одного из храмов, якобы пересекали всю территорию Юкатана и доходили до Табаско, Чьяпаса и Гватемалы³.

В доколумбову эпоху важнейшими местами паломничества были пещеры, которые занимали особое место в сакральном ландшафте Мезоамерики. Пещеры как важнейший элемент общемезоамериканских религиозно-мифологических представлений стали объектом исследования сравнительно недавно. Пионерами в этой сфере оказались два научных оппонента – Ю.В. Кнорозов и Э. Томпсон. Томпсон впервые указал на то, какое важное место занимали пещеры в культовых практиках древних майя [Thompson 1959]. Концепция Ю.В. Кнорозова была более комплексной. Он обратил внимание на то, что в этногенетических легендах народов Мезоамерики присутствует мотив пещеры, из которой появились прародители племени. При этом зачастую под пещерой подразумевается не конкретная пещера, а более широкое пространство (ущелья или долины) как символ легендарной прародины [Кнорозов 1979; Кнорозов, Ершова 1988]. Развивая идеи Кнорозова, Г.Г. Ершова показала эволюцию концепции пещеры как прародины в Юго-Восточной Мезоамерике от ольмекской эпохи до городских комплексов майя классического времени [Ершова 2000, с. 248–308].

Начиная с 1980-х гг. пещеры стали объектом активных археологических исследований. Дж. Брэди, работавший во многих пещерах Мезоамерики, на археологическом материале показал, что ритуальное использование пещер как паломнических центров играло важную роль в экономической и социокультурной жизни региона [Brady 1989; Brady 2000]. Практика паломничества сохранилась в индейских общинах до сих пор, что связано с пониманием пещеры как источника девственных вод, плодородия, а также входа в по-

² Contreras D. Relación de Nabalám, Tahcabo y Cozumel // Relaciones Histórico-geográfico de la Gobernación de Yucatán (Merida, Valladolid y Tabasco). Garza de la M., Nalda E., Schmidt P. (ed.). Tomo II. México, 1983. P. 185–190.

³ Cogolludo de D.L. Historia de Yucatán // Los tres siglos de la dominación española en Yucatán: O sea, historia de esta provincia, desde la conquista hasta la independencia. Campeche-Merida, 1842–1845. Vol. 2. P. 255–257.

тусторонний мир, где обитают предки [Vogt, Stuart 2005; Sheseña 2009 и др.].

Из массы пещер со следами ритуальной активности в области майя особо выделяются пять, в которых, помимо артефактов ритуального характера, имеются иероглифические тексты и росписи [Stone 1995; Шесеня 2003b]. Это Нах-Тунич, Санто-Доминго и Куэва-де-лас-Пинтурас в департаменте Петен (Гватемала), а также Холониель (Хольха) и Йалельцемен в штате Чьяпас (Мексика). Все эти тексты объединяет то, что они создавались в скрытых местах, в зоне, куда не доходило естественное освещение. Часто пространство с текстами отделялось естественными преграждениями или возведенными стенами.

Текст пещеры Холониель датируется раннеклассическим периодом (IV–V вв.) [Шесеня 2003a], все остальные – позднеклассическим периодом (VII–IX вв.). Датировка Куэва-де-лас-Пинтурас остается затруднительной: текст в плохой сохранности, несмотря на отдельно различимые и узнаваемые знаки, повествование путаное, контекст остается абсолютно неясен. Радиоуглеродная датировка дала немыслимые результаты (20430 ± 130 л. н.), когда письменности майя не существовало, а регион Петена еще не был заселен [Miller et al. 2002, p. 79–81]. Иероглифический текст пещеры Актун-Чон (Юкатан) не может быть точно датирован, так как от надписи остались только очертания иероглифических блоков.

Пещерные тексты могут быть объединены в единую группу не только из-за места их создания, а в первую очередь потому, что все они имеют общие черты и записаны по одной формуле. В основе их нарратива лежат шесть терминов ритуальной активности: *huli*, *pakaax*, *kojooy*, *ahni*, *nitiuyu*, *ila*. Все они, кроме *ahni* и *nitiuyu*, присутствуют в Нах-Туниче. *Huli* (прийти) также есть в Холониеле, *ahni* (идти) встречается в Йалельцемене и Холониеле, а *pakaax* (вернуться) и *kojooy* (спуститься) известны только в Нах-Туниче. Термин *nitiuyu* (пройти) дважды встречается в Санто-Доминго. Все перечисленные термины являются глаголами движения, по-видимому, напрямую связаны с самим фактом паломничества как пути и отмечают момент прибытия в пещеру. Последний термин *ila* (видеть) в текстах Нах-Тунича употребляется чаще других, он встречается восемь раз в разных грамматических формах. Еще раз глагол, образованный от корня *il-*, встречается в Куэва-де-лас-Пинтурас, которая расположена поблизости с Нах-Туничем (несколько дней пешего пути).

Пещерные тексты обязательно сохраняли информацию об акторе. Имя шло после термина ритуальной активности, оно содержало титул, который сообщал о статусе протагониста и его территориальной принадлежности. В основном пещеры посещали

члены правящих династий или придворные. Лишь один посетитель носил титул «священного царя», т. е. правящего владыки (роспись 34 из Нах-Тунича)⁴.

В текстах Нах-Тунича среди посетителей чаще всего упоминаются представители местных царств Юго-Восточного Петена (Сакуль-Ишкун, Иштуц, Караколь) [Бернацкая, Хохрякова 2019]. Также указываются достаточно отдаленные царства (Уакуталь в Западном Петене, Эль-Пальмар, Лос-Алакранес и Калакмуль в Кампече, Альтун-Ха на Карибском побережье в Северном Белизе, Рио-Асуль на северо-востоке Петена). Несколько топонимов остаются неидентифицированными: прежде всего Баштун, судя по частоте посещения, скорее всего ближайший к Нах-Туничу город (росписи 25, 28, 30 и 66), Хут', расположенный неподалеку от Тикаля, Сактабаль, который, кроме как в Нах-Туниче, больше нигде в корпусе иероглифических надписей не упоминается, и некое царство Йаш (это название либо является сокращенной записью названия города Йашха, либо относится к неопознанному городу).

Несмотря на то что создание пещерных текстов выше было охарактеризовано как сокрытое нанесение и ставилось в противовес общепринятой коммеморативной практике демонстрации и трансляции широкой публике отдельных событий, зафиксированных в тексте, однако все равно подразумевало наличие наблюдателей. Одной из неотъемлемых частей нарратива пещерных текстов были имена и титулатура лиц, сопровождающих главного паломника. Каждый исполнитель ритуального путешествия не фиксировал в подробностях пройденный путь, не описывал обряды и не перечислял подношения, важнее было оставить сведения о тех, кто присутствовал с ним во время совершения паломничества, что говорит о формировании групповой или коллективной идентичности. Географическая принадлежность и титулатура сопровождающих лиц были разными. Это могли быть представители одной и той же правящей династии или придворные (встречаются титулы *ch'ok*, *kelem*, *anaab*). Обладали ли сопровождающие определенными общими характеристиками?

Царь Альтун-Ха Муйаль-Чаак пришел в пещеру в 740 г. в сопровождении двух людей, которые в тексте названы старшим и младшим братьями (роспись 65 из Нах-Тунича). Посланник царя Эль-Пальмара прибыл со своим младшим братом, который находится на служении у царя Баштуна (роспись 29 из Нах-Тунича).

⁴ Обзор политической структуры государств майя классического периода и организации знати у майя по данным монументальных текстов и археологии см.: [Беляев 2002].

В 755 г. царь Баштуна Маман-Чан-Ак посетил пещеру с двумя сопровождающими, которые также являлись «баштунскими владыками» и имели единый патроним Ак, что свидетельствует об их родственной связи (роспись 28 из Нах-Тунича). Через восемь лет Маман-Чан-Ак пришел в сопровождении представителя из династии царей Сакуля, титулатура которого сообщает, что они находятся в родстве, скорее всего приходится двоюродными братьями. В тексте пещеры Холониель (группа 6) основного визитера сопровождала супруга. Все это свидетельствует о том, что в выборе спутника немалую роль играли родственные и супружеские узы.

В остальных случаях в паломничестве участвовали представители разных городов. Учитывая то, что титул, указывающий на территориальную принадлежность, не опускался, видимо, он был важен для актора. Царь Баштуна в качестве свиты брал с собой представителя сакульской и сактабальской знати, посланник из Эль-Пальмара выбрал своим спутником человека из Баштуна, царь Альтун-Ха совершил паломничество в сопровождении представителя уканальской знати. В росписи 52 еще одного анаба царя Эль-Пальмара сопровождает служащий царского двора царя Альтун-Ха. Представитель знати царства Хут' упоминается в числе сопровождающих лиц наряду с человеком из Караколя.

Общим в выборе спутника можно выделить лишь одно: тексты отражают политическую зависимость городов, откуда происходят сопровождающие, по отношению к династиям, из которых происходят акторы паломничества. Вероятно, была важна не территориальная принадлежность, а политическая иерархия или союзы.

Чтобы лучше понять этот момент, стоит обратиться к историческому эпизоду из эпохи испанского завоевания Юкатана: паломничеству Шивов к Священному колодцу Чичен-Ицы, описанному Диегой де Ланда⁵. Между 1533 и 1541 гг. из-за сильного голода и мора правители Мани из династии Шиу решили отправиться в паломничество к священному сеноту в Чичен-Ице, чтобы принести в жертву рабов и рабынь. Путь туда лежал через земли враждебных Кокомов. Несмотря на разрешение на беспрепятственный проход, которое Шиу получили от Кокомов, паломники были неожиданно атакованы и перебиты во время отдыха на вражеской территории [Пакин 2013, с. 428–439]. Учитывая фрагментированную политическую карту области майя, можно предположить, что паломнический путь из отдаленных районов мог пролегать через вражеские земли. Поэтому сопровождающие из зависимых городов и местных политий были важны в процессе паломничества как залог защиты на вражеской территории.

⁵ Ланда де Д. Указ. соч. С. 130–131.

Среди множества упомянутых в росписях Нах-Тунича городов нет ни одного, который бы находился южнее этого пещерного комплекса. Все реконструируемые паломнические пути шли с севера или северо-запада. Это единственное территориальное ограничение, которое можно заметить, однако стоит учитывать, что корпус текстов Нах-Тунича сохранился не полностью, часть текстов дошла в плохом состоянии, часть была уничтожена уже после открытия памятника в результате вандализма со стороны неизвестных. Возможно, паломники с юга тоже посещали пещеру. Поэтому не стоит определять пещерный комплекс Нах-Тунича как место памяти исключительно северных областей майя.

Сами по себе события, сохраняемые различными способами и на разных носителях, не являются групповой памятью. Память становится исторической лишь тогда, когда воспоминания извлекаются и становятся предметом соответствующих коммуникаций (ритуалов) в рамках данной группы, а также между поколениями. Исходя из этого, можно говорить о пещерных текстах майя как об особой коммеморативной практике: несмотря на то что тексты наносятся в сокровищем от широкого круга людей пространстве, все равно необходимо присутствие сопровождающего лица, часто – нескольких. Спутники были неслучайными зрителями. Учитывая особый акцент, который делался на титулатуре и происхождении, наоборот, видимо, сопровождающие отдельно подбирались, исходя из критериев кровного родства с актором, а также принадлежности к политике, находившейся в подчиненном положении по отношению к царству, откуда происходил актер. Также был важен повтор церемониально-ритуального действия: есть ряд текстов, которые сообщают о повторном совершении паломничества. Нарратив текста Санто-Доминго построен на повторном посещении пещеры через год в круглую, знаменательную дату. Первое посещение состоялось в мае 799 г., а повторное – в августе 800 г. Роспись 65 из Нах-Тунича тоже говорит о неоднократном ритуальном действии, о повторении в конкретные сроки. Одна и та же запись содержит информацию о посещении пещеры в 739, 740 и 745 гг. В этих двух текстах интересным является то, что запись о ранее произведенных паломничествах появилась постфактум, в контексте рассказа о вновь совершенном, повторном.

Есть несколько персонажей, которые в разных контекстах появлялись в текстах Нах-Тунича. Царь Бааштуна Маман-Чан-Актрижды сообщил о своем посещении пещерного комплекса. Некий Ах-Чак-Маш упоминается дважды в текстах Нах-Тунича (росписи 52 и 65), вначале он посещает пещеру в 738 г. вместе с анабом царя Эль-Пальмара, который совершает «священное путешествие».

Второй раз это же имя появляется в пещере в перечне свиты священного царя Альтун-Ха в 739 г. Из этого следует, что важен не факт появления в сакральном месте, а память о том, что это совершалось и прежде.

На уровне личности коммеморативные практики связаны с потребностью человека сохранять память о прошлом и объективировать мнемические следы в ритуалы, церемонии и видимые переживания прошлого в актуальном настоящем. Что касается знати майя классического периода, то отдельные индивиды, с одной стороны, продолжая созданную до них традицию, в рамках которой совершали ритуально-церемониальную групповую деятельность – ритуал паломничества к местам памяти – пещерам. С другой стороны, каждый из представителей знати через личное участие в паломничестве и в результате него объективировал мнемические следы в ритуал, символ, текст, тем самым закрепляя и продолжая коммеморативную практику элиты.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00454).

Acknowledgements

The research was realized with support of the Russian Science Foundation (Project # 18-18-00454).

Литература

- Беляев 2002 – Беляев Д.Д. Древние майя (III–IX вв.) // Цивилизационные модели политогенеза. М., 2002. С. 130–155.
- Бернацкая, Хохрякова 2019 – Бернацкая Ю.Э., Хохрякова С.А. Юго-Восточный Петен и область Караколя в ранний классический период // IX Кнорозовские чтения: Древние цивилизации Старого и Нового света: Материалы конференции. М., 2019. С. 290–301.
- Ершова 2000 – Ершова Г.Г. Древние майя: уйти, чтобы вернуться (истоки представлений о модели мира) // Ершова Г.Г. Фрай Диего де Ланда. Древние майя: уйти, чтобы вернуться. М.: Ладомир, 2000. С. 225–561.
- Кнорозов 1979 – Кнорозов Ю.В. Этногенетические процессы в древней Америке // Проблемы истории и этнографии Америки. М., 1979. С. 133–141.

- Кнорозов, Ершова 1988 – *Кнорозов Ю.В., Ершова Г.Г.* Легенды о происхождении майя // *Экология американских индейцев и эскимосов.* М., 1988. С. 247–256.
- Нора 1999 – *Нора П.* Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пуимеж, М. Винок. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999.
- Пакин 2013 – *Пакин А.В.* Паломничество Шивов 1536 года и конкиста Юкатана: версии эпизода истории поздних майя // *Исторический журнал: научные исследования.* 2013. № 4. С. 428–439.
- Шесеня 2003а – *Шесеня А.* Датировка росписей пещеры Холониель, Чьяпас, Мексика // *Древние цивилизации Старого и Нового Света: культурное своеобразие и диалог интерпретаций* / Под науч. ред. Д.Д. Беляева и Г.Г. Ершовой. М., 2003. С. 230–247.
- Шесеня 2003б – *Шесеня А.* Пещерные росписи древних майя. Воронеж, 2003.
- Brady 1989 – *Brady J.* An Investigation of Maya Ritual Cave Use with Special Reference to Naj Tunich, Peten, Guatemala. Diss. for the degree of PhD. Los Angeles: University of California, 1989.
- Brady 2000 – *Brady J.* Cuevas, Peregrinaciones y Arqueología // *Los Investigadores de la Cultura Maya.* Т. II. México: Universidad Autónoma de Campeche, 2000. P. 219–227.
- Miller et. al. 2002 – *Miller A.E., Brady J., Cobb A., Rowe M.W.* Results of Radiocarbon Analysis of Rock Painting from the La Cueva de las Pinturas, Guatemala // *Mexicon.* 2002. Vol. XXIV: August. P. 79–81.
- Sheseña 2009 – *Sheseña A.* Algunas implicaciones de los ritos zinacantecos en cuevas en el estudio del arte rupestre maya // *Limina R. Estudios sociales y humanísticos.* 2009. Vol. VII. № 1. P. 39–62.
- Stone 1995 – *Stone A.* Images from the Underworld: Naj Tunich and the Tradition of Maya Cave Painting. Austin: University of Texas Press, 1995.
- Thompson 1959 – *Thompson J.E.S.* The Role of Caves in Maya Culture // *Mitteilungen aus dem Museum für Völkerkunde im Hamburg.* 1959. № 25. P. 122–129.
- Vogt, Stuart 2005 – *Vogt E., Stuart D.* Some Notes on Ritual Cave among the Ancient and Modern Maya // *In the Maw of the Earth Monster* / Ed. by J. Brady and K. Prufer. Austin: University of Texas Press, 2005. P. 155–185.

References

- Beliaev, D.D. (2002), “Ancient Maya (III–IX)”, *Tsivilizatsionnye modeli politogeneza* [Civilizational models of politogenesis.], Moscow, Russia. pp. 130–155.
- Bernatskaya, Yu.E. and Khokhryakova, S.A. (2019), “Southeastern Peten and the Carakol region in the Early Classical period”, *IX Knorozovskie chteniya: Drevnie tsivilizatsii Starogo i Novogo sveta: materialy konferentsii* [Ancient Civilizations of the Old and New World, Proceedings of the IX Knorozov Scientific Conference], Moscow, Russia, pp. 290–301.

- Brady, J. (1989), *An Investigation of Maya Ritual Cave Use with Special Reference to Naj Tunich, Peten, Guatemala*, PhD Thesis, University of California, Los Angeles, USA.
- Brady, J. (2000), "Cuevas, Peregrinaciones y Arqueología", *Los Investigadores de la Cultura Maya*, T. II, Universidad Autónoma de Campeche, México, Canada, pp. 219–227.
- Ershova, G.G. (2000), "Ancient Maya. Leaving to return (Origins of the concept on the World model)", in Ershova, G.G., *Frai Diego de Landa. Drevnie maiya: uiti, chtoby vernut'sya* [Fraj Diego de Landa. Ancient Maya. Leaving to return], Ladomir, Moscow, Russia, pp. 225–561.
- Knorozov, Yu.V. (1979), "Ethnogenetic processes in ancient America", *Problemy istorii i etnografii Ameriki*, Moscow, Russia, pp. 133–141.
- Knorozov, Yu.V. and Ershova, G.G. (1988), "Mayan legends of origins", *Ekologiya amerikanskikh indeitsev i eskimosev*, Moscow, Russia, pp. 247–256.
- Miller, A.E., Brady, J., Cobb, A. and Rowe, M.W. (2002), "Results of Radiocarbon Analysis of Rock Painting from the La Cueva de las Pinturas, Guatemala", *Mexicon*, vol. 24, August, pp. 79–81.
- Nora, P. (1999), *Frantsiya-pamyat'* [France – Memory], Izdatel'stvo Sanktpeterburgskogo universiteta, Saint Petersburg, Russia.
- Pakin, A.V. (2013), "The Xiu's Pillgrimage in 1536 and the Yucatan conquest. Episode versions of the late Maya history", *Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya*, no 4, pp. 428–439.
- Sheseña, A. (2003a), "Dating the paintings of the Joloniel cave, Chiapas, Mexico", in Beliaev, D.D. and Ershova, G.G. (eds.), *Drevnie tsivilizatsii Starogo i Novogo Sveta: kul'turnoe svoeobrazie i dialog interpretatsii* [Ancient civilizations of the Old and New World. Cultural originality and a dialogue of interpretations], ed. by D.D. Beliaeva and G.G. Ershova, Moscow, Russia, pp. 230–247.
- Sheseña, A. (2003b), *Peshchernye rospisi drevnih maiya* [Ancient Maya cave paintings], Voronezh, Russia.
- Sheseña, A. (2009), "Algunas implicaciones de los ritos zinacantecos en cuevas en el estudio del arte rupestre maya", *Limina R. Estudios sociales y humanísticos*, vol. VII, no. 1, pp. 39–62.
- Stone, A. (1995), *Images from the Underworld: Naj Tunich and the Tradition of Maya Cave Painting*, University of Texas Press, Austin, USA.
- Thompson, J.E.S. (1959) "The Role of Caves in Maya Culture", *Mitteilungen aus dem Museum für Völkerkunde im Hamburg*, no. 25, pp. 122–129.
- Vogt, E. and Stuart, D. (2005), "Some Notes on Ritual Cave among the Ancient and Modern Maya", in Brady, J. and Prufer, K. (eds.), *In the Maw of the Earth Monster*, University of Texas Press, Austin, USA, pp. 155–185.

Информация об авторе

Сандра А. Хохрякова (Висканта), Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; s.viskanta@gmail.com

Information about the author

Sandra A. Khokhryakova (Viskanta), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; s.viskanta@gmail.com